

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

ЕКАТЕРИНИНСКИЕ ОРЛЫ

Историческая повесть

1

Лето 1808 года в Российской империи казалось вполне обычным, не слишком уютным, суетным или угрожающе тревожным. С французами, стараниями Александра I, было достигнуто перемирие. Правда, происходили довольно частые стычки с турками, но к ним, как водится, все давно привыкли...

А в Первопрестольной, в барской усадьбе на Пречистенке, стоял тихий июньский вечер. Из богатого особняка в стиле «русского классицизма» слуги в добротных ливреях выносят в центр просторного двора вместительное «вольтеровское» кресло и уютливо выводят под руки старого графа Алексея Григорьевича Орлова. Он в роскошном, шелковом халате, на голове тёмно-вишнёвая, турецкая феска. Графа бережно и старательно усаживают в кресло.

Двое дюжих дворовых, насаживаясь, несут огромный серебряный таз с чистой родниковой водой. Без малейшего всплеска ставят его у ног властелина, обутых в бархатные сапожки. Орлов кивком головы подаёт знак слугам. Один из холопов машет рукой и кричит:

— Стёпка! Можно! Выпускайте!..

На обширной голубятне в глубине двора распаивается с десяток дверец, и сотня неудержимых, истомившихся по воле птиц, трепеща и мелькая крыльями, миглом устремляется в поднебесье. Дворовые азартно, явно не в силах сдержаться, взапуски свистят и приплясывают. Старый граф понимающе улыбается.

Его внушительное, массивное лицо с глубоким, застарелым шрамом на левой щеке кривится в снисходительной, доброй усмешке. А обретшие свободу голуби заводят в небо завораживающий, прихотливый хоровод: парят, кружат, кувыркаются...

Орлов склоняет тучное тело над серебряной посудиною — он уже не в состоянии запрокинуть голову. А в зеркально-прозрачной воде великолепно отражаются все птички уловки и самые невероятные пируэты. Граф с восторгом знатока следит за ними и никак не думает, что видит птичью потеху в последний раз...

И тут неожиданно, из толщи воды, словно невзначай, выплывает силуэт молодого, тонкого месяца. Изящный, едва заметный. Но Орлов почему-то зорко всматривается в него, напрочь забывая о притягательной птичьей забаве. Ему неожиданно вспоминается далёкая бухта Чесма, обширная гавань, сплошь забитая турецкими судами, и подобный же месяц, едва проступивший на высоком небе...

Это был тоже июнь-месяц, только почти сорок лет назад, в 1770 году. День, точнее, вечер Благоверных Петра и Февронии. Граф тогда стоял на капитанском мостике флагманского корабля вместе с двумя адмиралами — Спиридовым и Элфинстоном, британцем, состоявшим на русской службе. Его младший брат Фёдор был рядом. Оба адмирала в мундирах, а двое Орловых в штатском платье. Внушительное скопище вражеских судов потрясло всех...

— Мне думается, сэр, атаку следует начать утром, — уверенно, но негромко бросил англичанин.

— Но почему утром?.. — засомневался Алексей.

— А потому, граф, — подхватил Спиридов, — что турки, не к ночи будь помянуты, набились в бухту, как куры в курятник... И пока они сподобятся оттуда выйти... — он сделал красноречивый жест рукой, — мы их!.. Они и чихнуть не успеют!..

Орлов подносит к глазам подзорную трубу и внимательно осматривает вражескую эскадру. Судя по всему — турки не ждали какого-либо сюрприза и вряд ли думали, что русские накроют их в тихой гавани накануне ночи, когда они совершили вечерний намаз...

— А стоит ли ждать утра? — спрашивает он самого себя. — Мы их враз прижучим! Без промедления... В один пых!..

— Как?! Ночью, сэръ?!.. — поражается британец.

Алексей смотрит на Спиридова:

— Сколько у нас брандер, адмирал?..

— Десятка два наберётся, ваше сиятельство...

— Прикажите спускать их на воду и матросов готовьте... Живее!..

А под ними, на палубе, сгучились матросы, бросая друг другу осторожные, боязливые фразы:

— Мать честная! Сколько их! Ровно стадо гусиное!.. Поди-ка, втрое больше нашего. Жежи не впятеро!.. Эк мы влипли!..

Даже в ущербном свете месяца заметно, что все они смущены и озадачены...

А ясная, тёплая, южная ночь, кажется, не предвещает беды. Спокойная, сонная гладь залива небывало тиха и недвижима, и вражеские суда словно дремлют в отдалении...

Английский адмирал настойчиво предостерегает:

— Это большой риск, сэръ! Лучше дождаться рассвета...

Орлов задиристо бросает:

— Вся наша, адмирал, жизнь — один большой риск! Но другого шанса не будет. Смелее!..

И на кораблях закипает молчаливая, сосредоточенная суэта. Спускаются на воду зажигательные суда-брандеры, матросы ловко разбирают вёсла, проворно рассаживаются. Орлов вполголоса напутствует их:

— Подходите, братцы, под самый борт! Пару-тройку галер запалите — и начнёт полыхать!.. Бог даст — сами живы будем, и викторию отпразднуем! Вперёд! Русь, не трусь!..

Моряки налегают на вёсла, и брандеры, одна за другой, уходят в сторону бухты. Орлов размахисто крестит их... Несколько минут проходит в тревожном, тягостном ожидании. Десант тихомолком подкрадывается к турецким кораблям. Вспыхивает один зажигательный снаряд, другой, третий... На палубах неприятельских судов появляются мятущиеся тени, слышны потрясённые гортанные вопли... Гремит мощный взрыв, летят на воздух куски обшивки, доски палуб, бухта освещается багровым заревом. Ещё один взрыв и ещё... А несколько мгновений спустя уже полыхает весь турецкий флот — горят корпуса, мачты, реи, присобранные паруса... Чужие матросы в панике прыгают за борт...

— Ну, что скажете, адмирал?.. — обращается Орлов к англичанину. — Виктория? Дали мы им жару? Чистый фейерверк!.. Я давно такого не видел... Разве что под Новый год!..

— Так точно, сэръ! — бодро отвечает Элфинстон, а Фёдор Орлов бросается с объятиями к брату:

— Алёшка, ты — гений! Я уже не чаял живым отсюда выбраться... Ну, молодец! Ну, герой!..

Орлов с гордостью:

— Не дрейфь, Фёдор! Не перевелись ещё в России Орловы!.. Удадь города берёт! Знай наших!..

Блики багрового пламени тревожно играют на его лице с характерным глубоким шрамом. Матросы на палубе российского корабля приплясывают и машут руками. А гладь большого залива походит на расплавленную сталь...

2

Тот же 1770 год, несколько недель спустя: Санкт-Петербург, кабинет императрицы в Зимнем дворце. Екатерина II вместе с генерал-адъютантом Чернышёвым и секретарём Елагиным склонились над картой на просторном рабочем столе государыни. Она озабочено выпрашивает:

— Покажите мне, генерал, где сейчас действует армия Румянцева?..

Чернышёв показывает на карте:

— Извольте видеть, Ваше Величество, нижнее течение реки Дуная? Здесь в него впадает река Кагул...

Екатерина сосредоточенно:

— Да-да, я вижу. Дунай и Кагул... Это здесь? Тут и до Чёрного моря рукой подать!..

Генерал подтверждает, не желая углубляться в детали. Он помнит, что царица не сильна в географии:

— Именно так. И, по нашим сведениям, в этом междуречье сосредоточены все главные силы турецкой армии под началом великого визиря Халиль-паши... Между прочим, это второй человек после самого султана...

Екатерина встревожено:

— А велико ли их число?..

— Около ста пятидесяти тысяч, Ваше Величество. Турки собрали всё, что могли...

— со вздохом отвечает генерал. Царица, помедлив, озабоченно спрашивает:

— Во сколько раз они превосходят армию Румянцева?..

Чернышёв, хмурясь, неохотно признаёт:

— К сожалению, Ваше Величество, превосходят почти десятикратно. Так уж случилось...

Все трое умолкают. Генерал и секретарь не решаются прервать тревожное раздумье императрицы. Но через минуту Екатерина говорит с твёрдостью и воодушевлением:

— Ну, что поделаешь, господа! Остаётся только уповать на милость Божью! — она усердно крестится. Придворные поддерживают её. Екатерина спустя мгновение прибавляет: — И ещё меня крайне беспокоит судьба нашего флота... — она встречается взглядом с Чернышёвым. — Я прекрасно помню, Захар Григорьевич, ваши опасения, когда Алексей Орлов настаивал на походе наших кораблей в Средиземное море...

Чернышёв настойчиво подтверждает:

— Прошу прощения, Ваше Величество, но это — чистая авантюра!.. — он пожимает плечами. — Почти год минул с тех пор, как наша эскадра ушла из Кронштадта, и что, где наши хваленые моряки?.. Половина всех судов канула на дно, не дойдя туда, куда следовало...

Елагин пытается смягчить ситуацию:

— Но Алексей Григорьевич сообщал нам, что греки оказывают русским всяческую поддержку... — он переводит взгляд на царицу. — Всё-таки это наши единоверцы... Они даже готовы поднять против турок восстание. Попытки уже были... Вместо морских сражений можно затеять сухопутные, не так ли?..

Чернышёв намерен возразить, но в дверях появляется камер-лакей:

— Ваше Величество, генерал граф Орлов покорнейше просит принять его...

Екатерина взволнованно восклицает:

— Алексей Орлов?! Вот это новость!..

Лакей тихо произносит:

— Никак нет, Ваше Величество. Граф Фёдор Григорьевич...

— Проси!.. Мы ждём его... — обеспокоенно требует царица.

Появляется Фёдор Орлов, он в походном, заметно помятом наряде. Целует руку государыни, кланяется сановникам. Екатерина нетерпеливо требует:

— Докладывайте, граф! Что с нашим флотом?! Разбит? Потоплен?! Ну же!..

Фёдор широко улыбается:

— Виктория, Ваше Величество! Полная и окончательная! Турецкого флота теперь нет и в помине...

Чернышёв не верит своим ушам:

— Как нет в помине?! Да быть такого не может!.. Вы шутите, граф?!..

Орлов просто:

— Какие тут шутки?! Он сгорел. Дотла... Ни единой целой посуды не осталось...

Ни щепки, ни тряпочки...

Екатерина в полном восторге:

— Где это случилось? Как?! Да быть такого не может!.. Оставьте шутить!..

И тут Орлов подробно докладывает:

— В Чесменской бухте все случилось, Ваше Величество... В ночь на 26 июня... — он бросает победный взгляд на придворных. — Алексей приказал спустить на воду зажигательные суда-брандеры, а турки уже почивать изволили... — граф улыбается. — Мы подкрались тихомолком и дали им прикурить! Они в одних, пардон, подштанниках в море прыгали... Наперегонки!.. Пожар полыхал такой — небу жарко стало!..

Сановники изумлённо переглядываются, и Чернышёв укоризненно качает головой:

— А как же правила военной науки?.. Викторию должно одерживать в открытом бою... Лицом, как говорится, к лицу с противником... В этом и есть истинная доблесть!..

Но Екатерина не соглашается:

— Оставьте, Захар Григорьевич! Какая в подобном случае наука? Это была битва Давида с Голиафом!.. — секретарю: — Готовьте указ, милостивый государь... Присвоить графу Алексею Орлову звание Чесменского и возвести в честь сей блистательной

победы триумфальную колонну! Он заслужил её по праву. Побольше бы таких неучей! Я рада несказанно, надеюсь, вы тоже...

Елагин охотно кивает:

— Без всякого сомнения, Ваше Величество...

Екатерина обращается к Чернышёву, потирая руки:

— Как говорят у нас в народе, генерал? Лиха беда — начало?.. Начало и вправду лихое... — она берёт в руки табакерку с портретом Петра I и невольно задерживает на ней свой взгляд. — Пётр Великий, помнится мне, вёл военные кампании супротив турок не однажды, однако на море... — царица пожимает плечами. Чернышёв согласно подтверждает:

— На море, Ваше Величество, подобных баталий не случилось. Особливо возле турецких берегов, в самом, как говорится, логове неприятеля... Что называется — повезло!..

Екатерина задумчиво произносит:

— Как бы за этим добрым началом не последовало неладное продолжение, — Орлову: — Сколько в турецком флоте было кораблей, граф?

Тот уверенно сообщает:

— Вчетверо против нашего, Ваше Величество. Мы даже поначалу сильно обеспокоились... Британский адмирал никак не желал рисковать и нас хотел удержать, но Алексей...

— Алексей Григорьевич, как всегда, поступил по-своему! Кстати, а где он сам и вся его команда? — заботливо вопрошает царица. Орлов усмехается:

— Алексей приказал кораблям нашим идти в Чёрное море, а меня высадили на берег и я живым духом помчался в столицу. На перекладных.

Чернышёв сокрушённо качает головой:

— Как вас, граф, турки по дороге не сцапали? Сие просто удивительно!

Но Орлов показывает на карте:

— А я, генерал, окружным путём через Австрию, Германию, Лифляндию, Эстляндию. С десяток лошадей загнал! Но жив-здоров, как видите.

Царица задумчиво произносит:

— Если наш флот, даст Бог, вошёл в Чёрное море, то армии Румянцева станет значительно легче, не так ли?

Чернышёв авторитетно поддерживает её:

— Без всякого сомнения, Ваше Величество. Турки в этом случае окажутся в западне. Деваться им и в правду будет некуда...

Екатерина, сокрушённо вздохнув, напоминает:

— А в армии Румянцева солдат вдесятеро меньше... — собеседники согласно кивают головами. Однако она ободряюще улыбается: — Не надо падать духом, господа! Уныние есть великий грех, не так ли?..

Государыня открывает табакерку и набирает щепотку табака. Нюхает и чихает. Придворные дружно:

— Доброго здоровья, Ваше Величество!..

Екатерина добродушно отзывается:

— Благодарствуйте, господа! Это мой салют в часть победы. Виват, Россия!..

Придворные вполне искренне улыбаются...

3

Июль-месяц 1770 года. Бессарабия, окрестности села Вулканешти. Тут расположен русский военный лагерь. Вечереет. В палатке генерал-аншефа Петра Александровича Румянцева при свечах заседает военный совет, среди его участников — генерал Григорий Потёмкин с чёрной повязкой на левом глазу. Командующий подводит итог:

— Итак, господа офицеры, диспозиция вам хорошо известна. Мы исхитрились подойти к турецким аванпостам весьма скоро и незаметно. Теперь надлежит передохнуть, наскоро перекусить и на заре — в бой. Пока турки будут совершать утренний намаз — мы пойдём в наступление!

Один из офицеров напоминает:

— Ваше превосходительство, вы отдали приказ не разводить костров, а солдаты четыре дня горячей пищи не ели...

Румянцев настойчиво повторяет:

— Полковник Воронцов, ежели мы разведём костры, то неприятель, не будь дурак, сразу поймёт — какое войско ему противостоит! В наши планы это не входит.

Но Потёмкин с улыбкой предлагает:

— С вашего позволения, ваше превосходительство, можно развести таких костров

столько, что небу жарко станет! И нагнать на басурман страху! Чем не демарш?..

Офицеры заметно оживляются. Румянцев спокойно парирует:

— Я ценю ваше остроумие, господин генерал, но отменять приказы не намерен. Пусть солдаты в последний раз подзаправятся сухим пайком — воевать злей будут! И спят в полглаза — чуть свет выступаем. А, даст Бог, одолеем турок — все наедятся до отвала...

Другой генерал мрачно бурчит:

— Какой уж тут сон — на пустое брюхо!

Румянцев строго напоминает:

— Генерал Репнин, ваша дивизия идёт в атаку первой, имейте это в виду!..

— Слушаюсь, Ваше превосходительство, — кротко бросает Репнин.

Румянцев обращается к Потёмкину:

— А ваш конный полк, генерал Потёмкин, ударит по правому флангу турок.

Тот чётко:

— Будет исполнено, Ваше превосходительство!

Румянцев, чуть расслабившись, доверительно произносит:

— Помните, господа офицеры, наш удар должен быть внезапным и яростным. Промедление грозит гибелью... Не посрамим же славу отечества! С Богом! — осеняет себя и всех крестом.

Подчинённые тоже крестятся и встают. По одному выходят из палатки. Кто-то ворчит вполголоса: «Дело будет жаркое. Турок, что пчёл в улье!» Ещё один прибавляет: «Тут отборные силы изготовились. Во главе с великим визирем!» Третий соглашается: «Значит, будут стоять насмерть!»

Потёмкин подходит к паре лошадей, их держит за повод денщик. Генерал с его помощью взбирается на седло, денщик осёдлывает другую лошадь, и они оба, невольно пригибаясь к лукам, рысью скачут в полумраке. Вдалеке видны сотни турецких козлов. Целое зарево. А вокруг мельтешат и снуют бесчисленные вражеские тени...

— Ишь, нехристи!.. — с завистью восклицает денщик. — Должно кашу варят. Скусна, поди-ка! На бараньем сале...

— Авось, всю не съедят, — отвечает ему генерал. — Завтра поутру мы их котлы до дна очистим!..

— Хорошо, коли бы так!.. — мечтательно, на скаку, подхватывает спутник. Через минуту они оказываются в расположении гусарского полка.

— Стой! Кто идёт? — раздаётся суровый оклик.

— Свои, служивый! Генерал Потёмкин, — отзывается бравый военачальник, спрыгивая наземь. К нему спешит адъютант:

— Ваше превосходительство, полк готов отдыхать. Какие будут приказания?

— Коней не рассёдлывать, только ослабить подпруги, — командует генерал. —

Люди накормлены?

Адъютант пожимает плечами:

— На ужин выданы сухари. Запивали их речной водой...

— Ну, что поделаешь? — ворчит Потёмкин. — Таков приказ командующего. Проверьте, голубчик, посты. На заре — в бой! — он направляется к крохотной палатке. Адъютант скрывается в темноте...

В палатке Потёмкин крестится на небольшую иконку Божьей матери, перед ней скудно мерцает лампада. Потом достаёт из походного сундучка свечу, перо, чернильницу и лист чистой бумаги. Зажигает от лампы свечу, ставит её на походный столик, усаживается на табурет, кладёт перед собой бумагу, аккуратно макает перо в чернильницу. Его волевое, значительное лицо с единственным глазом становится одухотворённым и мечтательным. Генерал склоняется над столом. Глубоко вздохнув, он старательно выводит: «Ваше Императорское Величество! Всемиловитейшая государыня!..»

А за тонкими стенками палатки уже всю властвует ночь. Засёдланные кони со спутанными передними ногами, склонив головы, щиплют увядшую степную траву. Солдаты, подстелив под себя нехитрые пожитки, улеглись небольшими кучками, завистливо поглядывая на шумный турецкий лагерь.

— Чего они там бузят, окаянные? — раздаётся чей-то недоумённый возглас. — И сон нехристей не берёт! Вот черти!

— Должно энтот варят... Как его?.. Плов... — вполне осведомлённо отвечают ему.

— А може, они бражку пьют?.. — предполагает кто-то. — Закуска-то добрая!.. Сам бы ел!..

— Басурмане бражки не пьют. Вера ихняя не велит!.. — осаживает всех пожилой солдат.

— А курить-то курят аль тоже нет? — любопытствует ещё один.

— Курить курят, — соглашается пожилой. — Аллах им не запрещает. Курите, мол, хоть до одури!..

Молодой солдат осторожно предлагает:

— Нешто и нам покурить? А то брюхо с голодухи ужасть как подвело! Неделю каши не жрамши!..

— Надо у ундера спросить, — предостерегает ветеран. — Генерал не велел разводить огня. Мастировка...

— Господин ундер! — возвышает голос молодой солдат. — Трубочку покурить не позволите? А то в кишках тоскливо чего-то. Кабы тут не помереть с устатку!..

Товарищи смеются. Унтер-офицер неохотно поднимается, подходит к лежащим подчинённым, осматривается, потом говорит сурово:

— Курите, черти! Только не все разом. По переменке. Глядите у меня!..

Молодой солдат достаёт маленькую трубку, кресало и кремень, хлопает себя по бокам:

— Ох, едри твою в дышло! Вот угораздило, так угораздило!.. Ну, мать честная!..

— Ты чего? Неужто расхотелось? — любопытствует сосед.

— Кисет, растяпа, обронил. А где — не упомяну...

Сосед протягивает полотняный мешочек:

— Кури мой. Не жалко... Может, в последний раз...

Молодой солдат набивает трубку, умело высекает огонь. Затягивается.

— Ну как? — интересуется сосед. — До нутра достало? Достало аль нет?..

— Да вроде нет. Табак-то нежинский, что ли?.. — любопытствует курильщик.

— Он самый. У хохла давеча купил. Могу отсыпать...

— Не зыщи, куманёк, больше не возьму. Обмишулился... Турецкий-то тютюн всё одно слаще! — под общий смех заключает молодой солдат. Унтер-офицер грозит им:

— Тихо, дьяволы! Нашли время веселиться... Война ведь!..

На чёрном, бархатном небе сверкают крупные июльские звёзды. Над рекой Кагулом причудливо колышется зыбкий, серебристый туман. А по тёмному пологому берегу, словно искры затухающего костра, то тут, то там вспыхивают и гаснут сторожкие огоньки солдатских «носогреек». Из-за горизонта медленно выплывает полная, румяная луна...

4

Царское село. Большой дворец. Будуар императрицы. Екатерина, её камер-фрау Мария Савишна Перекусихина и молодая служанка-калмычка окружили вместительную корзину, а на дне её, на розовой атласной подушке лежит щенок английской левретки.

— Ах, какая милая! Какая славная! Прелесть!.. — восхищается царица.

— Это он или она? — любопытствует калмычка.

— Сейчас поглядим! — Перекусихина умело берёт щенка поперёк туловища. Екатерина протестует:

— Марья Савишна! Это она. Самочка. Доктор мне об этом написал.

— А-а, ну, коли сам доктор... — соглашается камер-фрау, отправляя левретку на место. В дверь осторожно заглядывает граф Никита Иванович Панин:

— Ваше Величество, позволительно ли мне нарушить ваш досуг?

— Входите-входите, граф! — распорядится Екатерина. — Посмотрите, какое чудо! Я умираю от восторга... Ну, полюбуйте же!..

Панин подходит, целует руку царице и смотрит. Его осанистое лицо расплывается в широкой, ненатуральной улыбке.

— Какая миленькая мордочка! — восторгается государыня. — А какие смешные ушки! Я уже придумала ей имя — леди Андерсон... Как вы находите, граф?

— Леди Андерсон? — удивляется тот.

— Почему нет? — парирует Екатерина. — Она же англичанка! Мне прислал её доктор Димсдал прямо из Лондона... Вы помните его, Никита Иванович? Это тот господин, который привил мне оспу... — при слове «оспа» Панин мрачнеет. Императрица замечает это: — — Что с вами, граф? Вам нехорошо?

Он вполголоса:

— Со мною ничего, Ваше Величество. Я здоров вполне, только у меня, прошу прощения, недобрые вести... Так уж случилось!

Екатерина мгновенно оценивает обстановку и решительно распоряжается:

— Сударыни, оставьте нас!..

Камер-фрау и калмычку точно ветром сдувает, вместе с драгоценным английским подарком. Царица пытливо смотрит на собеседника. Панин тихо произносит:

— В первопрестольной, Ваше Величество, чума...

— Что?! Чума?! О, mein Gott!.. — царица бледнеет и медленно опускается на стул, услужливо придвинутый графом. Панин траурно поясняет:

— Там горы трупов... Губернатор и полицмейстер в панике... Москва безумствует. Унять невозможно!.. Нужны безотлагательные меры...

Екатерина глухо вопрошает:

— Карантины учреждены? Заставы устроены? Караулы расставлены?..

Граф обескураженно машет рукой:

— Ах, Ваше Величество, что эти заставы для нашего буйного народа?!.. Взбунтовавшаяся чернь сокрушила все шлагбаумы, разогнала караульных солдат, убила архиепископа Амвросия, пытавшегося вразумить смутьянов словом Божиим... Катастрофа!.. — он широко крестится.

Потрясённая императрица не находит слов, машинально крестясь вслед за Паниным. В будуар заглядывает секретарь царицы Елагин. В руках его запечатанные конверты. Екатерина потерянно спрашивает:

— Что-то спешное, Иван Перфильевич? Нам недосуг. После... Вы слышите?

Елагин, видя пасмурные лица государыни и графа, докладывает, словно извиняясь: — Ваше Величество, срочная депеша от генерал-аншефа Румянцева. С турецкого фронта... Фельдъегерь только что вручил...

Екатерина протягивает руку, берёт конверт, намереваясь вскрыть, но вдруг возвращает его секретарю:

— Нет, не могу... — она пытается обрести самообладание. — Читайте, милостивый государь... Семь бед — один ответ!..

Елагин ломает сургучные печати, извлекает несколько листов бумаги и пробегает их глазами. Царица с графом не сводят с него глаз...

— Виктория, Ваше Величество! — голос секретаря дрожит от волнения. — Виктория — славная и беспримерная! Турки разбиты на голову!.. Двадцать тысяч убито, а наши потери — чуть больше тысячи солдат и офицеров!.. — крестится. — Упокой, Господи, их души с миром...

Императрица тоже крестится и через силу улыбается:

— Сие весьма знаменательно, господа!.. Мы одолели турок на море и на суше. Против всякого ожидания... Бог мой! — она крестится с облегчением. — Яви нам, Господи, милость Твою и спасение Твоё даруй нам!..

Панин тоже осеняет себя крестом и говорит с некоторым нажимом:

— Генерал Румянцева, паче чаяния, заслужил триумф! Виктория небывалая! На нашем веку, Ваше Величество, подобного не слыхано — разгромить в прах такую несметную армию! Невероятно!..

Екатерина с полной откровенностью:

— Будь на то Божья воля — я бы отпраздновала триумфы всей Европе на зависть! — сокрушённо вздыхает. — Но боюсь, господа, мои подданные меня не поймут. Каждый станет пенять — это пир во время чумы!.. — она горько усмехается. — Так что, милостивые государи, с пышными торжествами придётся повременить. Не слишком сие уместно! Дай Бог все напасти прежде одолеть и привести народ наш в смирение и покой. Не до празднеств нынче...

Придворные согласно кивают головами. Панин произносит обдуманно:

— Ваше Величество, дабы пресечь беспорядки и обуздать эпидемию, нужна твёрдая, бестрепетная рука. Мицдальничать тут некогда!..

Царица не отрицает:

— Я согласна, граф. Меры должны быть крутыми. Иного выхода точно нет...

Но Панин упорно настаивает:

— Тут необходим человек смелый, властный и решительный... Которому не страшны любые преграды...

Екатерина с интересом смотрит на графа, думая, что тот предлагает в спасители самого себя. Но взгляд Панина падает на туалетный столик, на котором в овальной рамке красуется портрет Григория Орлова. Царица перехватывает этот своеобразный намёк, однако Панин уверенно завершает:

— Это, без сомнения, Ваше Величество, граф Григорий Григорьевич Орлов. Только ему одному по силам подобные деяния. И никому другому!..

Государыня почему-то колеблется:

— Вы полагаете, граф?

— Безо всякого преувеличения, Ваше Величество! — с жаром подтверждает тот. — Только он один сумеет переломить ход тягостных событий, пресечь смуту и безначалие...

— А чума? Она ведь чинов и званий не разбирает... И не щадит никого...

Панин фатально вздыхает:

— Все мы под Богом ходим, Ваше Величество... — и демонстративно крестится. Императрица, помедлив, обращается к секретарю:

— Хорошо. Иван Перфильевич, готовьте указ: пусть граф Орлов, не мешкая, ска-

чет в Москву. Надеюсь, Всевышний оградит его и поможет. Поможет всем нам... — Елагин, переминаясь, тискает в руках ещё один конверт. Екатерина замечает это: — У вас там что-то ещё? — она машет рукой. — Тогда извольте прочесть — чего уж теперь... Я, кажется, ко всему готова...

Секретарь, словно оправдываясь, поясняет:

— Это лично вам, Ваше Величество. От генерала Потёмкина...

Екатерина без особого восторга показывает на столик:

— Тогда положите его сюда...

Елагин кладёт письмо. Панин кланяется:

— Мы можем идти, Ваше Величество?..

Царица устало бросает:

— Да. Вы свободны, господа... С Богом!..

Помощники с поклонами удаляются. Оставшись одна, Екатерина берёт в руки табакерку, достаёт щепотку табака, нюхает, негромко чихает, потом тянется за портретом Григория Орлова. Несколько минут рассматривает его, крестит, целует и прячет в ящик стола... Замечает конверт, оставленный Елагиным. Секунду поколебавшись, неловко распечатывает его. Подносит к глазам листок с убористыми, неровными строчками:

«Ваше Императорское Величество! Всемиловитейшая государыня! Я полагаю верхом моего счастья возможность писать Вам. Нет большей награды для смертного, как следовать мудрым повелениям Вашим, исполняя которые способствуешь силе и славе Отечества. Что касается меня лично, то я готов отдать Вам всё, что имею в достатке: все свои душевные и телесные силы. А мне их не занимать».

Лицо Екатерины светлеет...

5

Над Петербургом уже на исходе белые ночи. В обманчивых августовских сумерках по пустынным улицам летит карета, запряжённая парой рысаков. Кучер умело горячит коней. Экипаж лихо пронесётся по Невскому, сворачивает на Почтамтскую, затем на Офицерскую улицу, с неё — на Троицкую набережную...

Там, ловко осадив лошадей перед ажурными, коваными воротами, кучер спрыгивает с козел, намереваясь открыть дверцы кареты, но они распахиваются сами, и Алексей Орлов, придержавая шпагу, бегом устремляется к мраморным ступеням внушительного особняка... Дёргает ручку колокольчика у парадного входа — за стеклом мелькают заспанные физиономии слуг. Расплываются в радостных улыбках. Бросив в угодливо протянутые руки шляпу и шпагу и не пожелав принять холопские поклоны и поцелуи, Алексей прыжками одолевает лестничный марш и оказывается перед дверью в гостиную...

Она распахнута настежь, а в центре — за накрытым столом — сидят четверо братьев Орловых: Григорий, Фёдор, Иван и Владимир. Впрочем, накрытый стол — это слишком громко сказано — вино почти выпито, а закуски наполовину истреблены. Но по лицам братьев заметно, что затяжная пирушка не была ни разгульной, ни отчаянной. Скорее — похожей на поминки. Однако, завидев вошедшего Алексея, вся четвёрка тут же воспряла духом. Опрокидывая стулья, Григорий, Фёдор, Иван и Владимир бросаются навстречу любимцу, дружно вопя:

— Алёшка! Брат! Чертыка! Молодец! Герой! Наконец-то...

Они наперебой тискают, обнимают и крепко целуют героя. Он шуточно отбивается:

— Да погодите, дьяволы! Задушили совсем! Вздохнуть дайте... Навалились скопом, дубьё стоеросовое!..

Все пятеро молодцов, как на подбор, высоченные, крепкие, статные. Наконец объятия ослабевают, братья тащат Алексея за стол. Он не поддаётся:

— Пойдите, голубчики! Да утомнитесь, наконец... Скажите, как матушка? Она наверняка поживает?..

— Едва ли, — усмехается Григорий. — Стоило тебе под турок укатить — сон у сердечной пропал... До самого утра либо сказки слушает, либо с Никитичной в «дурачки» играет... Прямо беда!..

Алексей смиренно просит:

— Ну, тогда я загляну к ней? Надеюсь, не прогонит?..

— Давай — рискни, — соглашается Фёдор, и вся четвёрка гурьбой идёт за Чесменским героем.

Братья на цыпочках приближаются к материнской спальне, и Алексей бесшумно отворяет дверь. В уютной комнате, за столом, освещённым парой свечей в ажурном подсвечнике, расположились две пожилые женщины в чепцах и шлафроках, мирно

играющие в карты. Алексей едва слышно переступает порог.

— Маменька, — ласково шепчет блудный сын, — вы позволите?

— Алёшенька! — одна из старушек роняет карты, пытаюсь встать. — Сыночек! Кровиношка моя... Ненаглядный ты мой! Наконец-то... О, Господи!.. — Алексей подлетает к матери и почтительно припадает к её дрожащей руке. Мать ласково и беспорядочно теревит его волосы, целует темя и затылок: — Ах, ты, мой бродяга! Ветрогон! Сорвиголова! Дай же я взгляну на тебя, непоседу... — сын поднимает голову. Старушка нежно гладит его по щекам, подбородку, рваному шраму... Братья и верная приживалка с пониманием и сочувствием наблюдают эту трогательную сцену. — Похудал. Осунулся. Отощал... — укоризненно-ласково сетует мать. — А я уже не чаяла тебя на этом свете увидеть!.. — она качает головой. — Фёдка вон воротился, — я говорю ему: — Алёшеньку моего эти нехристи окаянные как возьмут в полон, да в свою веру басурманскую обратят! Что тогда?.. — она крестится. — А он в ответ, руки, мол, у них коротки! Алексей весь ихний флот дочиста спалил... Ну-тка!.. — братья согласно улыбаются. Старушка горделиво смотрит на сыновей: — Видел бы вас покойный отец! То-то бы возрадовался... Особливо за Алёшеньку... — она переводит взгляд на старшего сына: — А Гришка-то хорош! Не угодил государыне — она ему отставку дала... И поделом! Нечего на всяких вертихвосток заглядываться! Да амурь срамные крутить! Пора и честь знать... Греховодник!.. — Григорий опускает голову, братья удерживают улыбки. — И когда я вас всех переженю?.. — укоризненно ропщет старуха. — Разбалуется вот эдак — какие тогда из вас мужья и отцы семейств?.. — она вздыхает. — Ну, да ладно... Слава тебе, Господи, что все в родном доме собрались! В родимом гнезде... А теперь ступайте... Мне почивать пора. Спаси вас Христос!..

Сыновья по одному, начиная с Григория, подходят и целуют руку матери. Она заботливо крестит каждого. Потом братья Орловы возвращаются в гостиную, рассаживаются за пиршественным столом, который слуги уже успели привести в порядок, обновив вина и закуски.

— Алексей, ты каким-таким манером в Россию-то воротился? — спрашивает у героя Иван. — Что-то больно скоро!

Тот игриво усмехается:

— Неувязка, голубчики, получилась... — он молодцевато окидывает взглядом братьев. — Когда мы турок в Чесме расчихвостили... — кивает на среднего брата, — Фёдка это видел... я даю знать адмиралу Спиридову — сиганём-ка, любезный, в Константинополь! Возьмём в плен самого султана да через Босфор и Дарданеллы в Чёрное море закатимся!..

— Закатились? — вопрошает Григорий, жестом указывая слугам, чтобы те разливали вино.

— Прямо к чёрту на рога!.. — смеётся Алексей. — Турки тоже не лыком шиты — взяли да перегородили пролив Босфор цепями... Намертво!..

— Цепями? И какими?!.. — удивляется самый младший Орлов — Владимир. Усы едва-едва пробиваются на его румянном лице.

— Железными, — подхватывает Алексей. — Каждое звено в полпуда весом! А по берегу — с десяток батарей. Ни пороху, ни ядер, дьяволы, не жалеют... Палят без передышки... Страсть!..

— И вы — давай обратно!.. — догадывается Фёдор.

— А то как же? — восклицает герой. — Кому охота свою шкуру под такой огонь подставлять? Сгоришь не за понюх табаку!.. Мы вернулись в Италию, и я на перекладных отправился домой...

— Ну, всё! Будет! — останавливает их Григорий. — Давайте, дорогие братья, выпьем за отважного Алёшку! Виват герою Чесмы!..

Орловы дружно чокаются и пьют. Алексей отставляет пустой бокал и спрашивает старшего брата:

— А что тут матушка намекала по поводу государыни? Она и вправду отставила тебя?

Григорий не спешит с ответом. Фёдор поясняет за него:

— За твоё отсутствие, Алёша, многое переменялось... И далеко не в лучшую сторону. А самое скверное — в Москве чума свирепствует...

— Чума?! — Алексей мрачнеет. — Да неужто? Вот так зараза! Дело дрянное...

— Говорят, что её напрямиком с турецкого фронта завезли, — подхватывает Иван. — Это расплата за наши победы... И за твои тоже...

Алексей невольно оглядывает себя. И тут в разговор вступает Григорий:

— А драгоценная наша государыня... — он делает паузу, — на борьбу с этой напастью решила отправить меня, — он криво усмехается, — аки льву в пасть!..

— Тебя?!.. — Чесменский герой недоумевает. — Но... — он замолкает на полуслове. Фёдор прибавляет:

— Кому-то из её окружения крепко не нравится наше славное семейство! Стоит оно поперёк пути к почестям и славе. Никому прохода не даёт...

Алексея осеняет догадка:

— И потому-то вы и сошлись сегодня! На проводы старшего братца...

Григорий сокрушённо поясняет:

— Сошлись мы ещё вчера, — он собирается с духом. — А нынче я должен, сломя голову, нестись в чумную первопрестольную... — он тепло окидывает взглядом братьев. — Ну, давайте, родные, на прощанье... Была не была! Живы будем — не помрём! — Орловы чокаются и пьют. За окнами совсем рассвело...

6

Царское село. Сентябрьский вечер 1770 года. Большой царскосельский дворец сияет огнями. Десятки карет стоят вблизи подъездов, кавалеры и дамы в парадных мундирах и роскошных нарядах поднимаются по широкой лестнице. В огромном зале с тысячей свечей всё блестит и переливается. Торжественно играет оркестр, великосветская публика чинно прохаживается вдоль стен, собирается небольшими группками, рассаживается на стульях. Лакеи обносят гостей прохладительными напитками, дамы усиленно обмахиваются веерами...

Оркестр замолкает и несётся вкрадчивый шепоток:

— Государыня! Царица! Екатерина!..

В сопровождении статс-дам и фрейлин появляется императрица в пышном, но не вычурном платье, с голубой Андреевской лентой через плечо. Все собравшиеся раздражаются аплодисментами. Екатерина милостиво кивает головой и делает знак рукой. Воцаряется благоговейная тишина. Царица:

— Любезные господа и дамы! Я пригласила всех вас, чтобы достойно, насколько это ныне возможно, отпраздновать славную победу российского оружия!.. — публика восторженно хлопает. Возле свиты императрицы появляются Алексей и Фёдор Орловы в сопровождении генерал-адъютанта Чернышёва и секретаря Елагина. Екатерина указывает на братьев: — Сии добрые молодцы сумели, исполнившись мужеством и отвагой, истребить весь турецкий флот! Слава им!..

Толпа хлопает и скандирует: «Слава! Слава!» Гремит оркестр. Братья Орловы благодарно кланяются. Царица вновь поднимает руку. Шум умолкает. Она даёт знак Елагину. Секретарь выступает вперёд, держа перед собой лист бумаги:

— Указ Ея Императорского Величества... — негромко откашливается. — Мы, Екатерина Вторая, самодержица всероссийская и прочая, и прочая... сим постановляем: наградить генерала графа Алексея Григорьевича Орлова орденом Святого Георгия Победоносца... И впредь титуловать его графом Орловым-Чесменским, возведя в честь славной победы триумфальную колонну... — публика аплодирует. Елагин продолжает: — Графа Фёдора Григорьевича Орлова наградить орденом Святыя Анны и золотой табакеркой с бриллиантами. В ознаменование их достойных заслуг перед Отечеством...

Герои признательно кланяются. Гремит оркестр. Среди присутствующих заметны Иван и Владимир Орловы. Они радостно рукоплещут братьям. Одна из пожилых дам говорит соседке (по-французски):

— А этот Алексей — такой красавчик! Чудо, как хорош!..

— Полноте, дорогая... — не соглашается та. — А этот ужасный шрам?..

— Мне кажется, он его ничуть не портит! Совсем наоборот — в его чертах что-то дерзкое и пленительное... Это ведь удар турецкого кинжала!..

— Вы ошибаетесь, мадам, — оказавшийся поблизости граф Панин иронично улыбается, — это отпечаток русской сабли! Его оставил поручик Шванвич, когда они с Орловым повздорили, играя на бильярде... Проказы юности! С тех пор у него появилось прозвище — «Балафрэ».

— Балафрэ? Человек со шрамом? — переспрашивает первая дама. Панин кивает:

— Под этой кличкой его знает весь Петербург...

— О-о-о! — у дам округляются глаза. В это время в центре зала появляется человек в придворном мундире. Вторая дама с восторгом:

— Душенька, это же поэт Державин!..

Державин, дождавшись общей тишины, торжественно декламирует:

*Гром победы раздавайся!
Веселися, храбрый росс!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрёс.
Славься сим, Екатерина,
Славься, нежная к нам мать!*

Гости широко улыбаются. Царица смиренно склоняет голову.
Державин возвышает голос:

*Воды быстрые Дуная
Уж в руках теперь у нас:
Храбрость россов почитая,
Тавр под нами и Кавказ...
Уж не могут орды Крыма
Ныне рушить наш покой.
Гордость низится Селима,
И бледнеет он с Луной...
Мы ликуем, славы звуки,
Чтоб враги могли то зреть,
Что свои готовы руки
В край вселенной мы простреть!..*

Заключительные строки тонут в шквале бурных аплодисментов. Поэт благодарно раскланивается. За окнами вспыхивают и рассыпаются гроздья праздничного фейерверка, зрители ахают и спешат полюбоваться праздничным салютом...

В осеннем тусклости небе восторженно гуляет огненная «потеха»: каскады ослепительных огней чертят прихотливые узоры, то сплетаясь в невероятные соцветия, то крутясь бешеным, неустойчивым хороводом. Отсветы победных залпов освещают стройную колонну над дворцовым прудом, воздвигнутую в честь славных героев Чесмы...

7

Москва. Октябрь месяц. На улицах бывшей столицы царят уныние и страх. Редко-редко пронесётся одинокая карета с наглухо зашторенными окнами, редко прошмыгнёт испуганный прохожий, не глядя по сторонам. Проедет скрипучая телега, на облучке которой уныло трясётся бедолага-извозчик, а позади него сиротливо желтеет свежеструганный сосновый гроб. Шайки мрачных, подозрительных людей с кистенями и шкворнями бродят от дома к дому. Неумолчно и гулко каркает воронья. Кажется, сам воздух пропитан всеобщей бедой и ужасом...

По Тверской проносится кавалькада конников, одетых в тёмные плащи, с суровыми и мрачными лицами, словно грозные всадники Апокалипсиса. Перед домом губернатора седоки разом спешиваются и быстрым шагом направляются к парадному подъезду. Впереди Григорий Орлов. Швейцары и слуги с испуганной предупредительностью распахивают перед ним все двери.

Орлов решительно пересекает роскошную приёмную и без стука входит в губернаторский кабинет. Хозяин и два его ближайших помощника — полицмейстер и предводитель дворянства — дотопе о чём-то долго совещавшиеся, почтительно встают, держа руки по швам.

— Генерал, — говорит Орлов, не обинуясь, — спеша сюда, я не встретил ни единого карантина... Это бардак! Где заставы? Где караулы?.. По улицам слоняются бродяги и воры... Что за преступная оплошность?!..

— Ваше сиятельство, — жалко оправдывается губернатор, — сие несчастье свалилось внезапно... Кто мог знать? Поверьте...

— Генерал! — не отступает Орлов. — Беда пришла не вчера и не сегодня, а ваше преступное бездействие позволяет ей распространяться всё дальше и дальше! Государыня в гневе... — губернатор и подчинённые тут же склоняют покаянные головы. Орлов настоятельно обращается ко всем: — Господа! Сейчас не время проводить розыск и сводить счёты. Нужно мобилизовать всех здоровых, решительных людей... Разделить Москву на околотки, поставить крепкие шлагбаумы, надёжно вооружить караулы, дабы воспрепятствовать свободному передвижению обывателей... Арестовать воров и бродяг... Другого спасения нет!..

— Кладбища переполнены, ваше сиятельство! Хоронить людей негде... — осторожно вставляет губернатор.

— Учредить новые! — тут же решает Орлов, пристально оглядывая всех.

— А теперь — к делу... — он чуть сбавляет тон. — Малейшая задержка воистину смертельна... Бить во все колокола. Во все сорок сороков! Немедля! Тотчас же! С Богом!.. — он крестится и оглядывается на сопровождающих. Его свита тут же расходится. Губернатор и помощники не двигаются с места. Орлов вопросительно смотрит на них: — А вы, милостивые государи? Вам что — нужно особое приглашение?..

Губернатор искательно предлагает:

— Мне бы хотелось, ваше сиятельство, лично проводить вас в отведённые апартаменты... Мы ждали вашего приезда и подготовились к вашей встрече...

Орлов иронично усмехается:

— Не стоит, генерал. С вашего позволения, я останусь здесь... Воспользуюсь, так сказать, вашим гостеприимством. Надеюсь, не прогоните?..

Губернатор ужасается:

— Что вы, ваше сиятельство! Буду рад несказанно. Как можно?! Располагайтесь, где вам будет угодно! Мой дом в вашем распоряжении...

Орлов небрежно бросает:

— Вот и ладно. Я не спесив...

Губернатор тут же звонит в колокольчик. Появляется старый дворецкий, хозяин наказывает ему:

— Никифор, проводи их сиятельство в гостиную...

Дворецкий кланяется. Орлов следует за ним, на ходу обращаясь к московским властям:

— А вам, господа, я приказываю немедленно приступить к делу!.. Безо всяких проволочек... — войдя в гостиную, граф сбрасывает плащ, шляпу, отстёгивает шпагу и передаёт всё в руки дворецкого. Потом устало опускается в кресло. Вздыхает и обращается к старику: — Послушай-ка, любезный!..

Никифор угодливо отвечает:

— Чего изволите, ваше сиятельство?

Орлов спокойно просит:

— Дай мне воды, что ли...

— А вина не желаете? — предлагает мажордом.

— Ну, давай вина, — соглашается высокий гость.

Никифор подходит к буфету, старательно наливает из графина бокал вина и на серебряном подносе с поклоном предлагает его графу. Орлов берёт бокал, оценивает содержимое на прозрачность и цвет, потом осторожно делает первый глоток. Дворецкий деликатно произносит:

— Вино рейнское, ваше сиятельство. Ещё до чумы привезено... — граф невольно морщится, но пьёт. Никифор осторожно сообщает: — А мне, ваше сиятельство, однажды сподобилось увидеть вашего папеньку, царство ему небесное...

— Да неужели? — благодушно откликается граф. — И где же? Когда?

— Давненько это было, — улыбается дворецкий, — годов, пожалуй, за шестьдесят будет, а может, и поболее... Враз не припомню...

Орлов ласково усмехается:

— Крепкая у тебя, однако, память, старик! Отец мой тогда ещё мальчишкой был... Стрелецким сыном... Ты не путаешь часом?..

— Никак нет, ваше сиятельство! Григорию Орлову — родителю вашему — тогда годков двадцать было. Во время бунта ихнего... — вторит Никифор.

Высокий гость недоумевает:

— Во время бунта?! Погоди-погоди... Последний бунт случился ещё при Петре Великом! Дай Бог памяти...

— Ну да. При нём... А я-то как раз мальчонкой был, двенадцати или тринадцати годов...

— И где же ты его видел? — любопытствует Орлов.

— Где видел? Вот тут, недалеко. На Красной площади, где бунтовщикам головы рубили... Он всю Москву тогда изумил геройством своим...

— Изумил? Да ну!.. — удивляется граф. — Это как же?..

Никифор собирается с мыслями:

— Когда государь мятеж-то унял и главных смутьянов повязали — их всех сюды привезли. В Москву... Народу тогда собралась тьма тьмушная... На лобном месте, помню, колоду поставили, зачинщиков, стало быть, казнить... Царь со своей гвардией прибыл. Всё чин по чину, как положено... — Орлов внимательно слушает. Дворецкий продолжает: — Палач был отменный — хват, что называется! Подручные смутьяна на плаху только бросят — он топором махнёт — и готово!.. Стрелецкие головы будто поленья отваливались... — он сочувственно вздыхает: — И вот до вашего папеньки черёд дошёл...

Граф охотно припоминает:

— Это верно... Покойный мой родитель смолоду был бунтарь...

Никифор охотно соглашается:

— Точно так. Мужчина был отчаянный... Страх!.. Когда голова последнего стрельца с плахи-то упала, папенька ваш, не глядя, отпихнул её ногой, широко перекрестился... — старик истово крестится, — и под топор лёг. Сам лёг и помощников разом отпихнул... — рассказчик уважительно замолкает. Молчит и гость. Неожиданно бьют

настенные часы. Оба вздрагивают. Никифор словно спохватывается: — И тут Пётр Алексеич командует — этого не трогать!.. По площади ажно гул пошёл... Справедливо, мол!.. Умел бунтовать и ответ держать умеет!.. — старик прищёлкнул языком. — И Орлова, стало быть, Григория солдаты тут же увели... Вот такая история!..

— Государь его в Семёновский полк определил, — буднично заканчивает сын героического отца, — знаменосцем...

— Оно конечно, — соглашается старик, — такими молодцами разбрасываться грех. Ещё бы! Кому ж тогда Россию-матушку защищать?..

Граф молча кивает головой и залпом допивает вино. Ставит бокал на поднос и благодарно кивает дворецкому. Никифор, шаркая подошвами, уходит. Орлов устало закрывает глаза. А над Москвой гудит набат. Тревожно, надсадно и неумолчно...

8

Санкт-Петербург. Зимний дворец. Эрмитажный театр. На его небольшой уютной сцене дают пьесу Екатерины «О, время!» (Это комедия нравов). В зале придворная публика — великосветские дамы и господа расположились вполне свободно и комфортно. В центре сидит сама императрица, рядом с ней верная камер-фрау Перекусихина и граф Панин. Статс-дамы, фрейлины и другие важные персоны находятся тут же. Все зрители крайне внимательно следят за происходящим на сцене. Или старательно делают вид.

А там кипят нешуточные страсти. На сцене нет декораций, но костюмы у актёров согласно ролям. Пара юных влюблённых: молодой человек по фамилии Молокососов (традиция тогдашней драматургии) и его возлюбленная Христина никак не могут соединить свои судьбы. Бабка бедной девушки — сквальга, ханжа и скопидомка — Ханжахина препятствует счастью юной четы. Но всё устраивает разбитная служанка Мавра (этакий Фигаро в юбке). На сцене — господин Непустов (сват) и Мавра.

Непустов явно негодует: «Когда я не приду, все говорят мне: не время. Поутру была она у заутрени, а теперь опять на молитве...»

Мавра вторит ему: «И так у нас всё время проходит...»

Непустов: «Она сегодня обещала дать решительное слово, хотя и начала всему я не вижу...»

Мавра с лукавой улыбкой соглашается: «Потерпите, сударь, немного. Она встаёт поутру в шесть часов, сходит с постели на босу ногу, оправляет перед образами лампаду, потом читает утренние молитвы, потом чешет свою кошку, обирает с неё блох и поёт стих: блажен, кто и скотов милует! Потом бранит дворецкого, шепчет молитвы и посылает провинившихся накануне людей на конюшню пороть батошьём... А! Постойте, сударь, я слышу шум, — пора мне отсюда убираться, госпожа моя идёт!» — уходит.

Появляется Ханжахина: «А, господин Непустов! Я и не знала, что вы здесь, сударь...»

Непустов напоминает хозяйке: «Не прогневайтесь, сударыня, что я пришёл отдать вам поклон. В вашей воле теперь выдать свою внучку за господина Молокососова и со мною о приданом условиться...»

Ханжахина всплёскивает руками: «Ах, батька мой! Да как мне на это решиться сегодня! Ведь подумай-ка сам: это дело требует долгого размышления. Человек я бедный, вдове моё дело: откуда мне что взять? Пусть злые люди хоть и говорят, даже кричат о моём богатстве, да Бог-то ведаёт, что не могу я наградить свою внучку большим приданым... — она смотрит в зал: — Нужно бы нашему правительству-то сделать такое учреждение, чтобы оно, вместо нас, людей бы наших при женитьбе приданым снабжало! Правду сказать, правительство обо всём в государстве заботиться должно, да только нынче никому до этого дела нет!..»

Невольная пауза. Слыша всё это, некоторые придворные снисходительно улыбаются, другие укоризненно качают головой, третьи поражаются смелости венценосного автора. К императрице подходит генерал-адъютант Чернышёв, кланяется и осторожно шепчет:

— Ваше Величество, имею честь покорнейше уведомить вас, что напасть в первопрестольной пошла на убыль... Там теперь порядок и спокойствие... Дай Бог, чтоб всё стало по-прежнему!..

Екатерина широко крестится:

— Благодарю вас за добрые вести, генерал! Я рада несказанно... — замечает в его руке письмо: — Это от графа Орлова?..

Чернышёв извинительно:

— Нет, Ваше Величество. Это вам пишет генерал Потёмкин...

— Отдайте его Марье Савишне... — спокойно распоряжается царица. Генерал отдаёт конверт в руки Перекусихиной. Екатерина любезно предлагает: — Присажи-

вайтесь, Захар Григорьевич, посмотрите пьесу... Я писала её, убегая мыслями от этой беды... Слава Богу, что всё улеглось...

А на сцене заключительный акт комедии: всё заканчивается свадебным сговором. Госпожа Ханжахина, её сестра Вестникова, внучка Христина, жених Молокососов, сват Непустов и служанка Мавра решают дело миром. Зал вспыхивает щедрыми аплодисментами. Кажется, вполне заслуженными. К Екатерине подходит граф Бецкой (внебрачный сын князя Трубецкого), потрясённо склоняет голову:

— Позвольте, Ваше Величество, поцеловать руку великой государыни и гениального автора! — с обожанием целует ей руку.

Императрица с улыбкой:

— Ну, Иван Иванович, это уж чересчур! До Мольера мне далеко, впрочем, и до Фонвизина тоже...

— Полноте, Ваше Величество! — не соглашается Бецкой. — Слова Вашей героини Мавры, что называется — не в бровь, а прямо в глаз!.. *C'est beau, c'est ingenieux, sublime!*¹

— Совершенно согласен с графом, — подхватывает Панин. — Лично на меня они подействовали, как свежий, очистительный душ... Разве мы не проводим свои дни в злословии и осуждении ближних, а сами?.. С нашими-то пороками как быть, коль скоро мы их себе в вину не ставим?..

Этот риторический вопрос порождает общую заметную растерянность и неловкость. Великосветская публика старательно отводит взгляды друг от друга. Спасает положение ловкий царедворец Бецкой:

— О, tempora! О, mores! — восклицал когда-то знаменитый Цицерон. — О, времена! О, нравы!.. Человеческие пороки, увы, неискоренимы. Bravo, Ваше Величество! Это выше всяких похвал!.. Я потрясён...

Зал вновь захлёстывают аплодисменты. Екатерина смиренно склоняет голову, встаёт и в сопровождении Перекусихиной и четырёх фрейлин направляется в свои апартаменты. Пройдя бриллиантовую комнату, она на ходу говорит фрейлинам:

— Вы, мои милые, можете быть свободны... *Au revoir!*

Девушки грациозно приседают. В спальню Екатерина входит вместе с камер-фрау, держащей в руке письмо Потёмкина. Царица устало опускается на стул, верная Мария Савишна кладёт письмо на туалетный столик и начинает аккуратно разбирать высокую причёску своей повелительницы, прилежно занимая её разговором:

— А этот-то актёршишка неплох. И высокий, и статный, и пригожий...

— Который? — откликается Екатерина, глядя на себя в зеркало.

— Ну, который представлял жениха, Молокососова...

— Очень молод, — вздыхает царица. — Впрочем, для этой роли он в самый раз.

Елагин, как видно, постарался...

Перекусихина вынимает заколку:

— А тот, который представлял его свата?

— Непустова? — царица снисходительно улыбается. — Это же знаменитый артист Дмитриевский!..

Камер-фрау заявляет с видом знатока:

— Бесподобный мужчина... И осанистый, и ладный... Жалко, что артист! — взгляд её падает на письмо. — Генерал Потёмкин тоже мужчина видный, степенный и величавый, хотя и кривой на один глаз... — она начинает расшнуровывать корсет императрицы. Екатерина охотно поясняет:

— Это был несчастный случай. Он неловко кольнул себя булавкой... — и, невольно улыбаясь, берёт письмо, неспешно распечатывает его, начинает читать. Перекусихина понимающе вздыхает, деликатно отводя взгляд...

9

Сам же Потёмкин в это время привычно катит в походной кибитке по полуночному Невскому проспекту, освещённому скудными огнями редких масляных фонарей. Вместо Гостиного двора зоркому глазу его предстают мрачные, сплошь обугленные развалины...

— Что это? — кричит он спине кучера. — Сплошное пепелище!.. Что тут случилось, братец?..

— Дак пожар был, ваша милость! — громко отзывается тот. — Все лавки дотла сгорели... Москву чума, а нас пожары одолели. Царица приказала строить новый двор. Каменный...

Миная несколько кварталов, кибитка останавливается перед двухэтажным небо-

¹ Прекрасно, остроумно, возвышенно!

гатым домом. Потёмкин выбирается наружу и спешит к парадному входу, нетерпеливо колотит в дверь:

— Открывайте, черти! Заспались, лежебоки... Не то весь дом разнесу!.. Очнитесь, любезные!..

За дверями звучат встревоженные голоса:

— Барин! Барин приехал! С турецкого фронта... Мы мигом!..

В доме закипает шум и суета. Двери распахиваются. Генерал влетает в переднюю, расталкивая прислугу, а навстречу ему бросаются наспех одетые женщины — старушка-мать и две сестры:

— Григорий! Гришуня!.. Родной... Наконец-то!

Все они дружно повисают на богатырском стане генерала, беспорядочно обнимая и целуя его.

— Ну-ну, — ласково отбивается тот. — Ну, голубушки! Ну, родные мои! Матушка, сестрицы! Жив я и здоров... Слава тебе, Господи!.. Вы-то как?..

Мать приказывает одному из слуг:

— Ларька, поднеси-ка шандал! Темь непроглядная... Ни зги не видно!.. — слуга подходит с подсвечником. — Ближе! — настаивает старушка, дотошно вглядываясь в лицо любимого сына. Его единственный глаз светится любовью и обожанием. — Ах, ты, мой одноглазенький! — мать с трудом достаёт до его плеча. — Да неужто государыня тебя комиссовала?.. Вот удружила, сердечная!.. Ну, спасибо ей... Век Бога молить будем...

Потёмкин добродушно смеётся:

— Что вы, матушка! Только солдатам с одним глазом служить не положено, а генералов с любым увечьем держат. И одноглазых, и одноруких.

— Даже с повреждённой головой?.. — лукаво вставляет одна из сестёр.

— Сестрица, не забывайся! Ишь, куда хватила! Дурных голов везде хватает... И у наших, и у турок...

— Пойдём-ка, голубчик, в столовую, — настаивает мать, — тебя, поди-ка, с дороги кормить надобно... Оголодал ведь на солдатских-то харчах!..

Потёмкин шутливо отнекивается:

— Нет, сударки мои! Не хлопочите, любезные! Уложите лучше меня почивать — устал я крепко... С две тыщи вёрст отмахал. Шутка ли?..

Радостное семейство, сопровождаемое прислугой, скрывается в темноте...

10

Над Петербургом занимается скупой осенний рассвет. Слегка золотится игла над Петропавловским собором. Мрачно чернеют куртины и бастионы знаменитой крепости. Холодные, тёмные, неласковые волны Невы бьются о гранитные парапеты, безжалостно раскачивая большие суда, баржи и лодки, сгрудившиеся возле Адмиралтейства...

По дворцовой набережной стремительно несётся карета, запряжённая четвернёй, встречные экипажи уступают ей дорогу. У главного подъезда Зимнего дворца карета останавливается, и генерал Потёмкин в полной парадной форме, с эполетами, аксельбантами и орденами, спускается на тротуар. Швейцар, завидев генерала, распахивает перед ним дверь...

Потёмкин, придерживая шпагу, направляется к парадной лестнице и, не успев одолеть нескольких ступеней, слышит чьи-то шаги. Навстречу ему спускается Григорий Орлов. Соперники встречаются взглядами, и Потёмкин, слегка смутившись, кланяется графу и негромко произносит:

— Я рад видеть ваше сиятельство... Что нового при дворе?..

— А ничего нового, дорогой тёзка, — холодно отвечает Орлов. — Вижу только, что вы поднимаетесь вверх, а я иду вниз. Удачи вам!..

Они демонстративно расходятся, и Потёмкин, мимо застывших по стойке «мирно» лакеев и дежурных гвардейцев, шествует к покоям императрицы. Перед дверью в её кабинет он невольно приосанивается, поправляет ордена и аксельбанты и смело переступает порог...

Екатерина, генерал-адъютант Чернышёв, граф Панин и секретарь Елагин, дотопе о чём-то оживлённо беседовавшие, встречают его любопытными взглядами. Потёмкин, щёлкая каблуками, кланяется мужчинам и подходит к руке государыни.

— Каков молодец! — довольно восклицает она, протягивая для поцелуя белую, пухлую руку. — Рада, рада видеть вас, Григорий Александрович! С благополучным возвращением!..

Панин и Елагин бросают друг другу удовлетворённые взгляды.

— Изрядно наслышаны о вашем геройстве, генерал! — добродушно ворчит Панин, оглядывая атлетичную фигуру генерала. — Недаром Державин величает вас Геркуле-

сом. Есть за что!..

— Это всего лишь игра поэтического воображения, граф, — отшучивается тот. — Я ещё не успел совершить ни единого подвига... Даже не вычистил ничьей конюшни, подобно античному герою, не говоря об остальном...

— Но кое-кого вы, однако, сумели потеснить... — вставляет Чернышёв. Екатерина берёт инициативу в свои руки:

— У генерала Потёмкина, как давеча сообщил мне фельдмаршал Румянцев, имеются обширные и дальновидные планы, к пользе и славе отечества относящиеся... Садитесь, генерал, мы охотно выслушаем вас... Здесь нет равнодушных персон, уж поверьте...

Потёмкин садится и, собравшись с духом, начинает:

— Ваше Императорское Величество, мы победили турок при Ларге и Кагуле, заняли Бессарабию и Валахию, взяли Бендеры, отвоевали Крым...

Панин охотно подтверждает:

— Вся Европа потрясена нашими успехами. И не даром!..

Потёмкин соглашается:

— А как же иначе? Мы добились за три года того, чего французы, немцы и австрийцы не сумели достичь за столетия!.. Хотя пытались изо всех сил...

Екатерина настойчиво напоминает:

— Так в чём же состоит ваш проект, генерал?..

Потёмкин увлечённо подхватывает:

— Мой проект, Ваше Величество, состоит в том, чтобы освободить от чужого владычества все славянские народы... — заявляет генерал. — И пусть все они заживут счастливо и свободно, как того требует их вера и желание мирно жить и обиходить свою землю...

Некоторое время в кабинете царит тишина.

— Сколько для этого потребуется воинских сил, генерал?.. — задумчиво вопрошает царица.

— Придётся направить туда, Ваше Величество, всю нашу армию и флот, если не более, — тут же отвечает Чернышёв.

— А как быть с мятежом в Польше?.. — напоминает Панин.

Чернышёв пытается возразить:

— В Польше действует генерал Суворов. Причём весьма успешно громит конфедератов по всем направлениям...

Императрица, после короткого раздумья, подводит своеобразный итог сказанному:

— План ваш, генерал, заслуживает самого пристального внимания. Не скрою, он довольно обширен и заманчив, однако...

Чернышёв тут же поддерживает её:

— Надобно, Ваше Величество, достойно завершить польскую кампанию и, вероятнее всего, привлечь к данному проекту возможных союзников. В этом должны участвовать другие христианские державы... Нам была бы необходима поддержка, духовная и материальная...

Потёмкин обескуражен. И только лишь благосклонный взгляд государыни вселяет в него веру и надежду. Он заметно приободряется...

11

Западная Белоруссия. Городок Столовичи. Сентябрь месяц. Вечереет. На тесных, шумных улочках жарко горят костры, возле них греются, распивают вино, громко переговариваются и шумно балагурят польские гусары, уланы и добровольцы. Кругом царит атмосфера боевого задора, бесшабашности и предвкушения скорой победы...

В центре городка — просторный особняк графа Огинского — верховного гетмана польского и литовского. В большой, богато обставленной гостиной на втором этаже звучит весёлая, разудалая музыка. Сам граф, сидя за клавесином, лихо исполняет мазурку. Его желанная гостья, молодая красивая дама, уютно сидя на диване, неспешно попивает вино и внимательно слушает. Граф любезно поясняет (разговор идёт по-французски):

— Это народный танец, дорогая... Вернее — простонародный. Называется он — мазурка... — и, сыграв несколько тактов, граф плавно меняет тему: — А вот танец королевский. Краковяк... — он артистически ударяет по клавишам.

— Краковяк? — переспрашивает прекрасная француженка. — Это прелестно!..

— О да... — Огинский улыбается. — Краков — это наша древняя столица. Там находится королевский замок Вавель. Между прочим, дорогая, один из красивейших в Европе. Мне кажется, он не уступит Версалью...

Граф виртуозно воспроизводит такты звучной, кокетливой мелодии. Гостья прилежно слушает и улыбается. Взрывы солдатского хохота за окном заставляют её укоризненно качнуть хорошенькой головкой. Огинский бодро усмехается:

— Мне нравятся их лихой задор! Этим молодцов трудно чем-то запугать...

— Даже русским?.. — любопытно гостья.

— Мне уже удалось, моя милая, разбить один русский отряд... — горделиво сообщает хозяин. — А теперь здесь наготове семь тысяч всадников! Гусаров и уланов. Все они храбрые, отчаянные рубаки! Завтра я поведу их в бой... — он завершает эти слова бравурным аккордом. Гостья осушает бокал. Граф закрывает крышку клавесина, наливает себе вина и подсаживается к даме: — Вы — храбрая девушка, Мари! Оставьте Париж и приехать сюда, почти в азиатскую глушь... Меня вдохновляет ваш безрассудный порыв!.. За что мне такая милость?.. Я её не заслужил, поверьте...

Француженка не соглашается:

— Дорогой Мишель, это же так романтично! Прелестно!.. Мне будут смертельно завидовать все мои парижские кузины... — они обнимаются. За окнами слышатся выстрелы и беспорядочный шум. Гостья обеспокоено: — Мишель, что это?..

Огинский беспечно машет рукой:

— Пустяки! Гусары, как всегда, перепились и палят куда попало... Не стоит беспокоиться!.. — он хочет вновь обнять подругу, но снизу доносятся стуки и беготня. Голос (по-польски):

— Пан гетман! Москали атакуют!..

Огинский сердито:

— Пся крив!.. — он тут же вскакивает и суматошно оглядывает комнату.

Француженка испуганно:

— Мишель, это русские?! Что им нужно?!..

— Да, чёрт побери! Это они, будь прокляты!.. — граф, наконец, находит свой гусарский доломан и лихорадочно надевает его. Голос из-за двери:

— Пан гетман! Москали уже рядом... Поторопитесь!..

Выстрелы всё громче и беспорядочней. Слышны безудержные крики, стук клинков, ржанье лошадей... Граф хватается за саблю и пистолет.

Гостья потрясённо:

— Мишель! А что будет со мной?! Ну, как же я?!..

Огинский на секунду застывает в растерянности, а в дверях появляется физиономия слуги:

— Пан гетман, москали уже тут... Надо бежать! Скорее!.. — граф бросается к двери, но слуга останавливает его: — Матка боска! Они уже внизу!..

Француженка сжалась в комочек, потеряв голову от страха.

— Что делать, Януш?!.. — растерянно восклицает Огинский.

— Бежим на чердак! Там лестница..

Гетман спешит за слугой, на ходу бросив прекрасной гостье:

— Держитесь, Мари! Я скоро вернусь!.. Поверьте!.. Скоро!..

Юная француженка забила в уголок дивана, с головой накрывшись роскошной персидской шалью. Кажется, что она даже не дышит. Снизу доносится стук солдатских сапог. Громкие голоса. Затем в гостиной, держа тяжёлые ружья наперевес, появляются трое русских егерей. Внимательно осматриваются. Один кричит:

— Ваше превосходительство! Тут никого. Пусто...

Через минуту в зале возникает маленький, сухонький генерал.

— Да неужто? — его голубые, дерзкие глаза задорно блестят. — Гетман Огинский, стало быть, изволил ретироваться?.. — и вдруг он замечает в углу дивана пёстрый, цветастый комок. Решительно подходит и стремительно откидывает персидскую шаль. Перепуганные, молящие глаза молодой женщины заставляют его добродушно усмехнуться.

— Кто вы?!.. — потрясённо восклицает француженка, обмирая от ужаса.

— Генерал Суворов, мадемуазель, — на прекрасном французском языке отвечает генерал, звеня шпорами.

— Вы берёте меня в плен?.. — голос девушки дрожит.

— О нет, моя милая... — успокаивает её Суворов. — Русские с женщинами не воюют... Счастливо оставайтесь!.. — он возвращает шаль на прежнее место, поворачивается и даёт знак солдатам: — Пойдёмте, братцы. Пусть мамзель придёт в чувство...

А верховный гетман польский и литовский, сопя и цепляя саблями за шаткие ступеньки, спускается по чердачной лестнице вслед за слугой. Во дворе стоят засёдланные лошади, тревожно поводя ушами и вздрагивая от выстрелов и неумолчного гвалта. Огинский вскакивает в седло, слуга следом за ним, и оба, нахлёстывая скакунов, несутся прочь от места боя... Кругом полыхают костры, гремят взрывы, свистят пули, чёрные фигуры всадников стремглав летят в темноту, и не понять — свои это или чу-

жие? В отрешённых глазах графа стоят слёзы, он смотрит прямо перед собой, и в потрясённой, взволнованной душе его звучат скорбные звуки знаменитого «Полонеза»...

12

Ноябрь-месяц, Санкт-Петербург. Зимний дворец, Предзимний полумрак. Спальня императрицы. Екатерина, присев на корточки, умело разводит огонь в камине. Шевелит железными щипцами тлеющие угольки, подбрасывает внутрь несколько поленьев, через несколько минут огонёк вспыхивает и разгорается ровным голубовато-розовым светом...

Царица удовлетворённо поднимается, закрывает камин цветным экраном и будит верную камер-фрау, прикорнувшую на диване:

— Марья Савишна, пора вставать! Поднимайся, дорогая! Седьмой сон, поди-ка, смотришь...

Перекусихина протирает глаза:

— Сей момент, матушка! — она, кряхтя, встаёт, зевая, крестит рот и бормочет: — Прости, Господи, мои прегрешения — чего только под утро не пригрезится!.. Это ж надо такое поиметь!.. Ох, свят-свят!..

Екатерина проходит в уборную, на ходу вопрошая:

— А где Катерина Ивановна? Где эта лентяйка? Опять проспала!..

Камер-фрау спешит к выходу из спальни и носом к носу сталкивается с молодой калмычкой, несущей кувшин с водой и чашку с кусочками льда.

— Ну, где ты бродишь? — шипит фрау. — Матушка гневаться изволит...

Невозмутимая калмычка дёргает плечиком и тихо проходит в уборную. Императрица, полоскавшая рот, сердито косится на неё, затем молча берёт кусочек льда и начинает медленно водить им по щекам и лбу. Вначале одной ледышкой, потом другой, беззлбно ворча при этом:

— Примечай-примечай, моя милая! Красота требует усилий... Ты пока молода, и тебе не надобно терзать себя холодом и голодом! Что-то дальше будет?.. — она скашивает глаза на девушку. — Хорошо, коли возьмёт тебя замуж человек достойный и непривередливый, а ежели самовлюблённый гордец?.. Что тогда?.. Вспомнишь мои муки да уроки!..

Служанка, глядя на эту процедуру, и ресницей не моргает. Покончив со льдом, Екатерина тщательно умывается и вытирает лицо. За дверью скулят проснувшиеся левретки. В спальню заглядывает секретарь Елагин:

— Мария Савишна, государыня изволила пробудиться?

— Уже-уже! — машет рукой камер-фрау. — Скоро будет... Нет от вас покоя!

Секретарь исчезает. Екатерина выходит из уборной, усаживается за туалетный столик. Перекусихина начинает привычно укладывать её густые, длинные волосы. Возле ног царицы крутятся юркие левретки.

— Кто это был, Марья Савишна? — любопытствует она.

— Елагин, — сквозь зубы отвечает фрау, рот её начинён шпильками.

— А Потёмкин не появлялся?.. — Екатерина следит в зеркале за лицом Перекусихиной. Та встречается с ней взглядом, закалывает очередную шпильку и говорит: — Потёмкин дежурил вместо Чернышёва и нынче, надо думать, отдыхает...

Екатерина недовольно ммурится. Вот наконец голова её убрана, и государыня шествует в просторный кабинет. На ней белый градетуровый капот с широкими складками, на голове креповый чепец, левретки бойко семят следом. Елагин, завидев императрицу, встаёт со стула и спешит к её руке. Чашки крепкого кофе с маленькими бисквитами стоят на рабочем столе. Екатерина садится и предлагает секретарю:

— Иван Перфильевич, кофе не желаете? Со мною за компанию?..

Елагин деликатно качает головой:

— Покорнейше благодарю, Ваше Величество! С вашего позволения, я пью чай!..

Она с лукавой улыбкой:

— Вы не любите крепкий кофе, ведь так? Ну, признайтесь!..

И не успевает секретарь ответить, как в двери появляется граф Панин:

— Вы позволите, Ваше Величество?..

— Разумеется, граф, — приветливо отвечает царица, — ваше отсутствие я бы сочла дурным предзнаменованием. Как можно?.. — Панин преданно целует ей руку. Садится. Екатерина пригубливает чашку с крепчайшим напитком и говорит: — А вам, Никита Иванович, сей настой я не предлагаю, зная ваши вкусы!..

— В моём возрасте, Ваше Величество, — парирует тот, — он отнюдь не полезен. Зело возбуждает! — граф тонко улыбается. Екатерина охотно вступает в игру:

— А вот турки, граф, пьют его с утра до вечера — и хоть бы что! И спят во всю ивановскую, а утренний намаз совершают, как положено. Вот ведь незадача!..

— Зато пить вина им Коран не велит! — подключается Елагин. Государыня заразительно смеётся:

— А вот это уже форменное безобразие! Как же тогда можно праздновать громкие победы, небывалые триумфы и другие славные дела? Без обильного возлияния?!.. Даже чопорные англичане этого не поймут, я уж не говорю о французах... — собеседники разводят руками. На пороге возникает богатырская фигура Потёмкина. Екатерина с обожанием смотрит на него и радостно восклицает: — Вот сейчас генерал Потёмкин нам всё и растолкует! Военные это лучше знают. Им, как говорят, виднее...

Генерал подходит к её руке, целует, она отвечает ласковым пожатием.

— Что именно, Ваше Величество, мне надлежит растолковать? Прикажете! Сделаю всё, что в моих силах... — Потёмкин выпрямляет свой могучий стан.

— Допустимо ли русскому человеку, — вступает в диалог Панин, — не употреблять никаких горячительных напитков? Сиречь водки, вина и пива? Что вы на это скажете?

Потёмкин искренне изумляется:

— Да как же сие возможно?!.. Что в летописях наших значит? «Веселие Руси есть пити!» Ведь сухая ложка рот дерёт!.. Любой мужик это знает, не то что мы — грешные...

Екатерина раздражается звонким, залихватским смехом. Смеются и её собеседники, откровенно и безудержно. Левретки начинают визгливо, пронзительно лаять. Перекусихина, сгорая от любопытства, подсматривает в дверную щель.

— Ну, будет. Шутки в сторону... — императрица внимательно окидывает своих помощников. — Я полагаю, что время для бесшабашного веселья, господа, ещё не пришло, хотя многое мы успели свершить...

— Ну, отчего же, Ваше Величество, — сдержано возражает Панин, — на польском и турецком театрах войн, как известно, господствует полный штиль. Совершенное спокойствие... Разве это не свидетельство нашей силы?..

— Точнее — нашего бесспорного триумфа... — поддерживает его Потёмкин. — Такого сокрушительного поражения ни те, ни другие ещё не знали. Европа поражена...

Екатерина укоризненно качает головой:

— Наши победы матушку Европу не слишком радуют, — она вздыхает. — К моему немалому удивлению — и французы, и австрийцы, и англичане — крайне обеспокоены судьбой Польши и Турции... Кто бы мог подумать? — она едко усмехается. — А французские генералы Дюмурье и Виомениль, с подачи их военного министра, даже возглавляли польских конфедератов... То есть выступали в качестве наших прямых врагов... А барон Тотт отливал для турок пушки!.. Вот и судите сами...

Потёмкин убеждённо добавляет:

— Никому не нужна крепкая и сильная Россия! Ведь тогда с ней нужно будет говорить на равных, — разводит руками. — Извольте, милостивые господа, нас любить и жаловать!.. Что — не нравится? — сурово: — Тогда не обессудьте!..

Панин соглашается:

— И больше того — уважайте наши интересы. А это мало кого устраивает...

Екатерина встречается взглядом с Потёмкиным:

— Ваш план, генерал, греет моё сердце, однако пора для него ещё не пришла. Сейчас нам нужен мир... — она улыбается. — Мне необходимо привести в порядок моё маленькое хозяйство. От Камчатки до Крыма... Это требует кое-каких усилий!.. Не так ли?.. — собеседники расплываются в улыбки. — Хватит воевать, господа! Мы, русские, покрыли себя неувядаемой славой на полях небывалых сражений — так давайте же засеём эти поля обильными злаками и соберём щедрый урожай... Пора! — лицо Екатерины по-настоящему оживает. Панин слегка ударяет ладонью о ладонь, но царица удерживает его: — Мне не нужны рукоплескания, граф! — она чуть улыбается. — Лучше помогите найти мою любимую табакерку... Злосчастная опять куда-то запропастилась...

И все тут же бросаются на поиски, включая Перекусихину. Ищут старательно и тщетно. Но тут в кабинет входит молодая калмычка и вручает хозяйке пропажу.

— Спасибо, Катерина Ивановна, — благодарит Екатерина. Открывает табакерку, берёт щепотку табака и обращается к секретарю: — Иван Перфильевич, срочно пишите указ: направить генерал-поручика Потёмкина на переговоры с турецкой стороной об установлении вечного мира... Безо всяких уступок и контрибуций. Граф Григорий Григорьевич Орлов сию, весьма важную миссию, к сожалению, провалил...

Панин подхватывает:

— Прошу прощения, Ваше Величество, но граф своей гордыней и высокомерием даже самих турок перецеголял!..

Екатерина соглашается:

— Именно так, — и обращается к Потёмкину: — а вы, Григорий Александрович,

извольте запастись терпением, твёрдостью и находчивостью. Непрестанно помните об интересах России!.. — Потёмкин послушно склоняет голову. Екатерина с улыбкой прибавляет: — А дальнейшее мы сообщим вам изустно... — она подносит табак к носу и звонко чихает. Левретки поднимают безудержный лай, а присутствующие хором восклицают:

— Доброго здоровья вам, Ваше Величество!..

Екатерина машет рукой:

— Благодарствуйте, господа! — и чихает несколько раз подряд.

13

Зимний, заснеженный лес. Дикая глухомань, в которую редко забредает досужий, не обременённый заботами, человек, разве что по великой нужде. Столетние дубы, безлистые клёны, могучие вязы и разлапистые ели, плотно укрытые толстыми снежными шалами, застыли в молчаливом оцепенении... Но откуда-то издали доносится скрип осторожных, вкрадчивых шагов. По всему заметно, что идёт добрая ватага людей, причём идёт издали и путём явно знакомым.

Тропу прокладывает коренастый, среднего роста и возраста мужик в короткой сибирке, с ружьём на плече и крепкой рогатиной в руке. За ним, след в след, шагают братья Орловы, тоже с ружьями и рогатинами, одетые более щеголевато, а замыкают шестые двое молодых дворовых. Вожатый застывает на месте, внимательно осматривается и прислушивается...

— Чего? — шёпотом спрашивает Алексей. — Заплутали?..

— Нет, барин, — через минуту отвечает мужик, — идём верно... — он выбрасывает руку. — Вишь, вон парок вьётся?..

— Где?.. — спрашивает Григорий.

— А вон, под той ёлкой... — вожатый чуть усмехается.

— Он?.. — Фёдор готов усомниться.

— Он!.. — твёрдо бросает Алексей.

Младшие братья — Иван и Владимир — упорно молчат, лишь пристально вглядываются в указанное вожакom место. На небольшой прогалине, возле тулова гигантской ели, под её нижними, раскидистыми лапами, горбится высокий сугроб. Над ним клубится облачко пара...

— Эх, жаль, собак не взяли!.. — сетует Иван.

— И поделом, что не взяли, — не соглашается мужик, — они бы его раньше срока подняли... — в голосе вожатого звучат суеверные нотки.

— Чего делаем, Архип?.. — с заметным уважением спрашивает Григорий.

— Чего делаем?.. — вожатый снимает шапку и вытирает ею потное лицо, — Подходим ближе и снег топчем, чтоб способней было... Скрадом...

Ватага осторожно, почти на цыпочках, приближается к заветному сугробу. Нервное напряжение передаётся каждому, и братья сердито косятся друг на друга, а дворовые неуклюже плетутся сзади...

— Эй, вы! — свистящим шёпотом окликает их Алексей. — Стойте! Ну вас к лешему, раззявы!..

Слуги радостно застывают на месте.

— Тихо! — сердито шипит Григорий. — Логово рядом... Топчите снег, а ты, — кивает он младшему, — делай своё дело!.. Да поживее...

— Зачем топтать-то?.. — удивляется Иван.

— А чтоб удрать, если что... — серьёзно отвечает вожатый.

Орловы начинают лихорадочно уминать пышное снежное одеяло. Сторонние свидетели — дворовая прислуга — боязливо поёживаясь, наблюдают со стороны за этой картиной. И вдруг на лицах обоих появляется смертельный ужас — холопы мигom поворачиваются и бегут...

Из берлоги, точнее — из сугроба выныривает, с шумом и рёвом, огромная медвежья башка. Орловы едва успевают отскочить и дружно ошетиниться рогатинами. Ещё секунда — и громадный бурый медведь с невероятной прытью выскакивает наружу...

— Я беру его!.. — не своим голосом кричит Григорий.

Матёрый хищник вначале опускается на все четыре лапы, оглядывая противников злобными маленькими глазками, потом угрожающе вздымается во весь исполинский рост и делает несколько коротких косолапых шагов. Григорий тычет ему в грудь рогатиной...

Медведь душераздирающе ревёт и остервенело напирает на него. Раздаётся громкий треск, снаряд предательски ломается, и старший Орлов едва не становится добычей зверя — его огромные лапищи с кривыми, цепкими когтями срывают с головы Григория шапку...

Но тут же в горло и живот медведя вонзаются рогатины Алексея и Фёдора. Иван, на всякий случай, сдёргивает с плеча ружьё. Владимир, глядя на него, тоже взводит курки. Мужик-проводачный выхватывает широкий охотничий нож...

Мишка, обильно пачкая снег кровью, грузно обрушивается наземь, пытаясь вырвать лапами злополучные дреколья. Кругом гуляет нестерпимый, оглушающий рёв. Зверь корчится в агонии... Братья, бледные, без кровинки в лицах, молча следят за смертными муками злосчастного хищника... Тот неистово дёргается...

— Как он тебя, братец! — почти беззвучно, одними губами произносит Алексей. Григорий смотрит отрешённым, отсутствующим взглядом. Иван поднимает его шапку и нахлобучивает её брату на голову. Тот механически кивает в ответ. Агония зверя не утихает... Фёдор забирает у Владимира ружьё, подскакивает и стреляет медведю в ухо.

— Молодец! Добрый выстрел, — одобряет Алексей. — Хватит бедолаге мучиться... — крестится. — Ох, и здоров, дьявол, ни дна ему, ни покрышки!..

Братья постепенно приходят в себя. Григорий поднимает с земли сломанную рогатину, недоумённо осматривает её, словно видя в первый раз.

— Берёзовую рогулю надобно было рубить, — с видом знатока говорит мужик. — Она на излом крепче, — он подходит к убитому зверю, деловито осматривая его.

— А где Кузька с Афонькой? — напоминает Алексей.

— Они от страха за сто вёрст удрали! Ищи их теперь! — смеётся Фёдор.

Алексей просит брата:

— А ну-ка, Вань, покричи!..

Иван складывает рупором широкие ладони и зычно голосит:

— Кузька! Афонька! Где вы, черти?.. Идите сюда! Живо!..

Издалека доносится хрусткий скрип снега и срывающийся отклик:

— Мы тута, барин... Сичас!.. Скоро будем...

Вожатый начинает сноровисто разделявать тушу медведя, снимая с него толстую, добротную шубу. Орловы, сбившись в кучку, терпеливо наблюдают за ним.

— А ничего зверюга! Матёрый, дьявол! — с ухмылкой восклицает Фёдор, — Я чуть было руку не вывихнул, когда ему в пузо рогатину воткнул... Прямо Асмодей!..

— А ты думал! — с видом знатока подхватывает Алексей. — Мы с Гришкой, — он кивает на брата, — такого матёрого впервые берём... Вот как Бог свят! — быстро крестится. — В другой раз — не рискнёшь!.. Куда к лешему!.. Своя шкура дороже...

Старший Орлов замечает сурово:

— Да-а... Вражина лютый... Силища адовая... Чуть хребёт мне не сломал! — он истово осеняет себя крестом.

Один из холопов осторожно приближается к господам, боязливо косясь на тушу мёртвого хищника.

— А где Кузьма? — спрашивает его Иван. Слуга машет рукой и говорит с запинкой: — Он это... там...

— Давай — разводи костёр! — распоряжается Фёдор, — Нечего без толку по лесу шастать. Бездельники!..

Слуга собирает и ломает хворост, складывает его кучей. Появляется второй дворovýй, достаёт кремень и кресало, высекает огонь.

— Берёсту на растопку не забудьте! Гореть шибче будет... — отрываясь от работы, напоминает мужик-вожатый. Он почти разделался с тушей.

Братя сбились в кружок, Алексей достаёт серебряную фляжку с водкой, передаёт Григорию. Тот делает жадный глоток, захлёбывается, кашляет...

— Чего торопишься? — упрекает его Фёдор. — Не на пожар ведь... Всё обошлось, слава богу... Все живы-здоровы...

Фляга пошла по рукам, но строго по старшинству: следом за Григорием пьёт Алексей, потом Фёдор, затем Иван и, наконец, Владимир.

— Да, братцы мои! — вдруг потрясённо восклицает Григорий. — Жизнь — штука коварная... Жуть!..

Алексей смеётся:

— Ну ещё бы! Когда у тебя рогатка пополам, а медвежье хайло рядом — тут всех святых помянешь. Небо, уж точно, с овчинку покажется! И друзей, и врагов вспомнишь...

— А я вдруг родителя вспомнил! — неожиданно признаётся старший Орлов.

— Папеньку? — удивляется Фёдор. — С чего бы это?..

— Его родимого... — Григорий переводит дух. — Когда меня царица отправила Москву от чумы спасать...

— И думала, что ты там Богу душу отдашь... — удачно вставляет Алексей. Григорий досадливо морщится: — Не в этом, братуха, дело... — он поочередно окидывает взглядом каждого. — Чума чумой, но там один старик-дворецкий вдруг поведal мне, как наш отец чуть головы не лишился... Вот как я сейчас!.. Представляете?.. — братья

дружно умолкают. Лишь треск разгоревшегося костра будоражит заповедную лесную тишину. И где-то бойко стрекочет сорока... — Случилось это, когда царь Пётр всех мятежников велел казнить. После бунта стрелецкого... Прямо на Красной площади им головы рубили. На лобном месте. При всём честном народе... И вот дошла очередь до отца... — Григорий почему-то выпрямился, расправил плечи. — Он голову предыдущего смутьяна небрежно откинул, перекрестился... — он тоже крестится. — И положил на плаху свою. Спокойно и решительно...

— Да неужто?!.. — вырывается у Ивана.

— А вот представь! — гордо бросает старший.

— А как же... — Владимир осекается.

— Как он жив остался?.. — Григорий усмехается. — Пётр Алексеевич крикнул палачу: «Этого не трогать!» Вот и вся потеха...

Фёдор добавляет с расстановкой:

— Кому потеха, а кому гибель...

Иван недоумённо вопрошает:

— А в чём отец провинился? За что его так? Я и не знал...

— Он в стрелецком бунте сдуру участвовал... — не слишком охотно отвечает старший брат. — В последнем... Молодой был, горячий... Каша тогда заварилась крутая. Еле расхлебали... Вся Россия в ту пору на волос от гибели была...

Фёдор понижает голос:

— Как нынче на Яике...

Владимир недоумеет:

— На Яике? А что там?..

Фёдор негромко поясняет:

— Там какой-то беглый казак — Емелька Пугачёв — взбунтовал тамошних злодеев... Себя он выдаёт за покойного царя Петра Третьего. Ни больше, ни меньше... — при этом он заговорщицки косит на Алексея. Тот демонстративно отворачивается. Иван подхватывает:

— Говорят, что они взяли Оренбург. Всё пожгли и разорили... И башкирцы тоже взбунтовались... Вот такая чехарда!..

Владимир храбро восклицает:

— Ничего, братцы, страшного! Война с турками и поляками, слава богу, закончилась, полк солдат туда отправят — и конец! Согнут злодеев в бараний рог, вот увидите!..

Григорий качает головой:

— Не скажи, любезный! — он кивком указывает на убитого зверя. — Это тебе не мишку у берлоги завалить! По себе знаю... Московский чумной бунт нам дорого стоил...

Иван недоумеет:

— А Пугачёв выдаёт себя за царя Петра Фёдоровича? Что за блажь? Он ведь давно умер, верно?..

Григорий с усмешкой кивает на Алексея:

— Спроси у брата. Ему лучше знать... Он его живым последний видел...

Царевийца с ответом не спешит, небрежно побалтывает пузатой флягой и неожиданно предлагает:

— Давайте, братья, выпьем за родителя... Царство ему небесное! Не будь его — не было бы нас, согласны?

Орловы дружно кивают головами.

— Отцовское молодечество всем нам жизни подарило. А мы их, ежели так случится, за Россию отдадим!.. — Алексей протягивает флягу старшему брату.

Орловы сосредоточенно пьют. Жарко горит костёр. В лесу сгущаются сумерки. По веткам скачут юркие поползни, роняя наземь шлейфы лёгкой снежной пыли... Голоса братьев звучат гулко и неразборчиво...

14

Август 1774 года. Петергоф. По аллеям и дорожкам дворцового парка гуляют нарядные дамы и господа в сопровождении ливрейных слуг. Шумят и щедро низвергаются струи бесчисленных фонтанов. Неумоимо играет придворный оркестр...

Во дворце, перед покоями императрицы толпится высшая придворная знать и все знаменитые военачальники. Мелькают лица Румянцева, Суворова, Репнина, всех Орловых. Вельможи — Чернышёв, Бецкой, Панин, Державин — в придворных мундирах — ждут выхода государыни. Панин замечает Елагина и кивком подзывает его. Секретарь, раскланиваясь с царедворцами, подходит к графу.

— Рад видеть ваше сиятельство. Между прочим, государыня о вас справлялась...

Панин хмуро предлагает:

— Отойдём-ка в сторонку, Иван Перфильевич. Есть разговор важный...

Они выходят в коридор, но за дверями стоит рослый гвардеец. Граф косится на него и уводит Елагина ещё дальше. Секретарь усмехается:

— К чему такая предосторожность, ваше сиятельство? Здесь все свои...

Панин предусмотрительно оглядывается, понижая голос до шёпота:

— Мне только вот по большому секрету передали, что Пугачёв сжёг Казань и движется к Нижнему... Захвачены все главные дороги, разорены помещичьи усадьбы, многие весьма достойные люди убиты и повешены, бунтовщики проникли всюду... — Елагин мрачнеет. Граф хмуро продолжает: — Чернь встречает его с образами и с хлебом-солью... Дворяне бегут из своих поместий, все священники злодейски перебиты... Подлый самозванец объявляет народу вольность, сулит истребление всего дворянского рода, отмену всех повинностей и безденежную раздачу соли... Но хочет пощадить своего сына... Кошмар!..

— Какого сына?.. — не понимает секретарь.

— Павла Петровича...

— Наследника?!.. — Елагин не верит своим ушам. — Он что — спятил?!..

Панин ядовито усмехается:

— У этого крошечника и наглеца разыграла непомерная гордыня — он готов всё подчинить себе!.. А теперь скажи, Иван Перфильевич, нам-то как быть? Доложить всё Ея Величеству? В такой день?! У меня голова идёт кругом... Говорю тебе, как на духу... — секретарь сосредоточенно молчит. Панин продолжает: — А в Европе полагают, что этого злодея к нам турки послали. Отомстив, так сказать, за свои бесславные поражения... Каково? Ну, что ты на это скажешь?..

Елагин, наконец, решается:

— Мне думается, ваше сиятельство, что в такой день не стоит омрачать настроение Её Величества. Эта семилетняя война далась нам нелегко!.. Кстати сказать — сам Суворов намерен окончательно унять бунтовщиков... Ему-то можно верить? Его героизм и слава чего-нибудь да стоят?..

Панин озадаченно качает головой:

— Ну, коли сам Суворов!.. Тогда погодим, Бог даст!.. — истово крестится.

А в будуаре Екатерина сидит перед большим зеркалом, и её куафёр (парикмахер) Козлов тщательнее сооружает высокую царскую причёску. Здесь же присутствуют верная камер-фрау Перекусихина, статс-дамы и фрейлины. Придворная шутиха Матрёна Даниловна неустанно развлекает их, представляя по очереди ближайших царедворцев.

— Никита Иванович, милочки мои, ходит так... — она горделиво выпячивает живот, умело изображая вальяжную походку графа Панина. Фрейлины весело смеются. — А под графом Бецким, дай Бог ему здоровья, ни одна половица не скрипнет... — шутиха демонстрирует вкрадчивую, угодливую повадку ловкого вельможи...

Фрейлины весело заливаются. Пожилые статс-дамы сдержанно улыбаются. Екатерина искоса наблюдает за ними, потом подзывает взглядом камер-фрау. Перекусихина тут же оказывается рядом.

— Марья Савишна, а где Елагин?.. И графа Панина я тоже не вижу. Как это понимать?..

Перекусихина мгновенно откликается:

— Прикажете позвать?

Царица, после секундного раздумья:

— Не надо... Но это подозрительно. Явно неспроста...

Её окружение сразу умолкает. И затихает шум за дверями. Шутиха Матрёна Даниловна бросается к окнам, выглядывает на улицу. Фрейлины тоже вскакивают со стульев.

— Что там?.. — спрашивает Екатерина.

— Едет-едет!.. Он, собственной своей персоной!.. — восклицает шутиха, прищурив левый глаз и давая понять, что видит нового фаворита царицы — Потёмкина. Екатерина укоризненно качает головой, нетерпеливо спрашивая парикмахера: — Ну, что? Готово?.. Что-то ты нынче, голубчик мой, нерасторопен. Поспешай!..

— Сей момент, Ваше Величество!.. — Козлов закалывает последнюю шпильку.

А внизу, перед главным подъездом, уже стоит просторный, дорогой экипаж, запряжённый шестернёй. Лакеи резво соскакивают с запяток и распахивают дверцы кареты. Григорий Потёмкин, в генеральском мундире, с эполетами и орденами, в сопровождении адъютантов, не глядя на светскую публику, тесными шпалерами застывшую у входа, важно шествует во дворец. И стоит ему скрыться за дверями, как все дамы и господа, словно стадо безмозгих овец, проворно спешат следом...

И как только фаворит оказывается у входа в главный зал — взоры самых именитых

сановников тут же скрещиваются на нём. Но Потёмкин ещё выше поднимает свою внушительную однооую голову и смело шагает дальше... Навстречу ему из противоположных дверей, в сопровождении статс-дам и фрейлин, показывается императрица. Собравшиеся встречают её появление подобострастным гулом и перешёптыванием...

Государыня одета в пурпурное бархатное платье, высокую причёску её увенчивает бриллиантовая диадема, голубая Андреевская лента опоясывает правое плечо... Потёмкин склоняет голову и, умерив шаг, подходит к царской руке. Екатерина милостиво улыбается. Придворные с нескрываемой завистью смотрят на торжествующего счастливица, а тот, чувствуя свою силу и могущество, гордо выпрямляет богатырский стан...

— Извольте доложить, господин генерал-аншеф, — громко, во всеуслышанье, произносит императрица, — каковы наши успехи в переговорах с Оттоманской Портой?.. Добрались мы того, чего желали?..

— Довожу до сведения Вашего Императорского Величества, — щёлкая каблуками, отвечает Потёмкин, — что в селении Кучук-Кайнарджи, между мною и турецкими послами, подписан долгожданный мир... — он переводит дыхание. — По нему России отходят земли Кубани, весь Крым, Черноморское побережье Кавказа и Кабарда... Молдавия и Валахия также переходят под наше покровительство, а русские корабли вольны, открыто и свободно, плавать по Чёрному морю, минуя Босфор и Дарданеллы, и далее в море Средиземное...

Последние слова тонут в бурных, восторженных аплодисментах. Братья Орловы укоризненно переглядываются. Небольшой Суворов говорит рослому Румянцеву:

— Истинно велик человек. И умом, и ростом.

Панин, вздыхая, перемигивается с Елагиным. Бецкой не жалеет ладоней. Державин восторженно следит за происходящим, складывая в уме поэтические строфы. Потёмкин делает знак адъютанту, и тот передаёт ему объёмистый портфель.

— Вот здесь, Ваше Императорское Величество, все подписанные акты. Все, до единого. Извольте принять это свидетельство наших славных побед!..

Возле государыни появляется молодой человек — это её новый секретарь, будущий граф Безбородко. Он забирает портфель. Из толпы придворных раздаётся чей-то бодрый голос:

— Виват, Екатерина! Виват, Россия! Ура-а!.. Ура-а-а!..

Шквал аплодисментов и приветственные крики захлестывают зал и вырываются наружу. Повсюду гремит оркестр. Раздаётся несколько пушечных залпов... Все ликуют. Но вот государыня поднимает руку и шум умолкает. Екатерина делает шаг вперёд и торжественно произносит:

— Господа! Я хочу смело признаться вам, что никогда природа не создавала людей более мужественных, откровенных и великодушных, чем русские... — воцаряется общая, нерушимая тишина. Все собравшиеся придерживают дыхание. Государыня вдохновенно продолжает: — Никто не сравнится с ними в силе, крепости и выносливости. Нет ни одного конника, пехотинца, моряка и земледельца — равного им. Ни один человек не питает такой нежности к своим детям и близким... — она с теплотой и признательностью окидывает собравшихся. — Он далёк от всякой хитрости и притворства, прямодушие и честность защищают его от пороков. Он быстр, точен, верен и безупречен... Виват русскому солдату! Виват русскому народу!.. Он достоин этих побед и непреходящей славы!..¹

Общее ликование охватывает всех собравшихся, несмотря на чины и звания. Придворная знать, господа и дамы окружают царицу-немку, так горячо и преданно любящую подвластный ей народ. Мелькают лица Орловых, Потёмкина, Суворова, Румянцева, Панина, Державина, Бецкого, Безбородко... Все они, внёсшие свой посильный вклад, в зависимости от ума, таланта, мужества, упорства, веры и преданности стране, в которой живут, искренне рады её воинским успехам и страстно мечтают, что так будет всегда...

¹ Автор не прибавил ни единого слова, ни одного красочного эпитета к восторженному монологу царицы. Это записано в её дневниках. Надо полагать, так она и думала.